

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА Н. В. ГОГОЛЯ В СВЕТЕ РЕЛИГИОЗНО-ПРАВОСЛАВНОЙ АКСИОЛОГИИ

© *Башкеева Вера Викторовна*

доктор филологических наук, профессор,
Бурятский государственный университет
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: oaelun@mail.ru

© *Гармаева Сэсэг Самбуевна*

магистрант, Бурятский государственный университет
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: confra@mail.ru

В статье речь идет о рецепции творчества Н. В. Гоголя, прежде всего петербургских повестей писателя, в работах представителей религиозно-православного литературоведения. Рассматриваются работы В. В. Зеньковского «Н. В. Гоголь» (1961) и И. А. Виноградова «Гоголь – художник и мыслитель: христианские основы мирозерцания» (2000). В первой работе ставится вопрос о переломе 1836 г. в творчестве Гоголя, когда идеи эстетического гуманизма сложно менялись на идеи религиозного осмысления мира и человека. Достижением писателя считается утверждение много-составного реализма — «внешний реализм» и «психологический реализм». Понятие «пошлость» свидетельствует не столько о моральных оценках, сколько о невозможности духовного «возрастания».

В монографии И. Виноградова принципиально важно сближение понятий религиозного, патриотического, нравственного, что позволяет понять Гоголя-мыслителя и художника. Особое место занимает тема Петербурга, показанного не просто через призму социальной сатиры, но воплощающая неприятие Гоголем идей западной торгашеской цивилизации. Ученый раскрывает те особенности петербургской жизни, которые губительно действуют на человека.

Ключевые слова: Николай Гоголь, литературоведение XX века, религиозно-православная аксиология, петербургские повести, гоголевская концепция европейской цивилизации.

Разброс методологического спектра при изучении творческого наследия Н. В. Гоголя может поставить современного исследователя в герменевтический тупик. Не случайно О. В. Зырянов и группа авторов назвали свою коллективную монографию так — «Н. В. Гоголь как герменевтическая проблема» [4].

Две основные группы интерпретаций, различающиеся трактовками произведений писателя, именуется по-разному: то позитивистское и религиозное, то имманентное и трансцендентное, то поэтологическое и философское. Первая группа интерпретаций представляет в каком-то смысле мейнстрим отечественно-

го литературоведения XX века, тогда как вторая дает новый и учитывающий национальные реалии взгляд на творчество Гоголя. Отсюда особая глубина и особая точность работ исследователей, представляющих или учитывающих религиозно– православную аксиологию в анализе художественного творчества русского классика.

Рассмотрение творчества Н. В. Гоголя в свете православно-христианской аксиологии началось в XX веке в среде русской эмиграции — в работах прежде всего К. В. Мочульского, В. В. Зеньковского. «Из всего многообразия литературы о Гоголе, созданной русскими эмигрантами первой волны, — отмечает В. А. Воропаев, — отметим как наиболее значимые книги К. В. Мочульского «Духовный путь Гоголя» (1934), профессора протопресвитера В. В. Зеньковского «Н. В. Гоголь» (1961) и В. В. Набокова «Николай Гоголь» (1944)» [2].

Особо следует отметить вклад протоиерея В. В. Зеньковского. В своей книге он отмечает, что Гоголю русская литература обязана «прививкой религиозной темы»: «Главная брешь в безрелигиозном понимании была пробита именно Гоголем — и в этом его главная заслуга в истории русской культуры» [3; с. 204]. Причем своеобразным оппонентом для автора становится В. Виноградов с его книгой «Гоголь и натуральная школа [см.: 3; с. 205].

В. Зеньковский делит жизнь и творчество Гоголя на две части — до и после 1836 года. Уже с детства Гоголь был религиозным, но скорее это была «религиозная фразеология, известная склонность задумываться над религиозными темами», после 1836 г. все стало для Гоголя «au sérieux» [3; с. 200].

На обоих этапах творчество Гоголя сложно, многослойно. Отсюда и сложность в истолковании его произведений, ведь «многослойность» легко приводит к «перетолкованиям» [3; с. 206], к числу которых следует отнести понимание Гоголя как представителя нереалистического направления.

Сам Зеньковский стоит на том, что Гоголь — писатель, утвердивший реализм как «неустрашимое и основное условие художественного рассказа» [32; с. 208], но реализм его настолько сложен, что таит в самом себе иную тему. С чем же взаимодействует реализм? Он «только внешняя оболочка, за которой встает сложная тема о человеческой душе» [3; с. 196]. Отсюда понятие «внешнего реализма», который схватывает характерные внешние черты людей и включает определенные социальные, исторические пласты: «провинциальное захолустье» («Старосветские помещики»), бытовые условия жизни чиновников, художников, провинциальных чиновников («Шинель», «Невский проспект», «Портрет») и др. Введено еще понятие «психологического реализма», который касается внутреннего мира героев Гоголя. И это не привычное, мирское понимание психологизма, а «факт духовного порядка» [3; с. 210].

В. В. Зеньковский останавливается на некоторых важных особенностях гоголевского стиля: проблема комизма с ее как будто идеей обличения или даже моральным пафосом, склонность к преувеличениям, — но не считает их доминирующими для понимания специфики творчества Гоголя. Не все подчиняется у Гоголя «императивам морального сознания». Так, основной предмет его художественного внимания «людская пошлость» [3; с. 216) находится вне моральных категорий.

Именно анализ категории пошлости позволяет понять, как же Гоголь, по Зеньковскому, связан с религиозным мировоззрением. Категория пошлость относится «к сфере *эстетической оценки*» — протоирей говорит даже об эстетической антропологии Гоголя, — ибо вызывает эстетическое отвращение «самодовольством в людях, отсутствием стремления ввысь, спокойным погружением в свой ничтожный маленький мир» [3, с. 216]. Отсутствие стремления ввысь это не только факт быта, но показатель наличия важнейшего начала человеческой жизни — желания духовно возрастая. В каждом, даже самом ничтожном, человеке наличествует потенциал высокого начала; и сама пошлость есть «свидетельство наличности высших, лучших сил в человеческой душе при торжестве внешних, по существу, пустых и ничтожных движений» [3; с. 220].

При этом до 1836 года Гоголь ориентировался на эстетическую романтику с таким пониманием «раздора» мечты и действительности [32; с. 228], которое было характерно для немецкой культуры к. XVIII в. И в этом смысле Гоголь первого этапа — романтик, который лишь «пользуется реальной картиной, а реализм, в свою очередь, как бы оправдывает его «романтическую установку» [3; с. 223].

Лишь ситуация с «Ревизором» в 1836 г. привела к тому, что «эстетическая утопия разбилась» [3; с. 230], и начал слагаться в его творчестве, весьма непросто, религиозный мир. Но романтика не отстывает, и в качестве «религиозной романтики» [3; с. 230] имеет место даже после 1840 г., когда в повести «Рим» Гоголь критикует Париж на основании эстетического подхода.

Складывание религиозного мира было настолько непростым для писателя, что внешний реализм Гоголя так и не получил «опоры для просветления». Зеньковский, признавая всю подлинность и серьезность религиозных переживаний Гоголя, все же констатирует, что в его художественном творчестве «не светились лучи христианского восприятия жизни» [3; с. 231]. И лишь в публицистическом творчестве Гоголь освободился от религиозного романтизма.

Серьезный труд В. В. Зеньковского во многом определил пафос исканий литературоведов посл. четв. XX — нач. XXI в. — возрождается интерес к религиозным взглядам Гоголя, к православной или близкой к ней трактовке его личности и творчества. В монографиях «Гоголь. Загадка "прощальной повести": "Выбранные места из переписки с друзьями". Опыт непредвзятого прочтения» (М., 1993) Ю. Я. Барабаша, «Категория соборности в русской литературе» (Петрозаводск, 1995) И. А. Есаулова, «Гоголь: Жизнь и творчество» (М., 1998) В. А. Воропаева, Санкт-петербургских сборниках «Христианство и русская литература» под редакцией В. А. Котельникова, названной выше коллективной монографии 2009 г., монографии «Теория Традиции: христианство и русская словесность» (Ижевск, 2009), сборнике «Творчество Н.В. Гоголя в контексте православной традиции» (Ижевск, 2012) и других трудах речь идет прежде всего о православной парадигме в жизни и творчестве Гоголя.

Особый интерес представляет концепция И. А. Виноградова, которая определена выражена в названии монографии «Гоголь — художник и мыслитель: христианские основы мирозерцания» (М., 2000) и прослеживается на всем протяжении книги. Важно отметить, что религиозные взгляды Гоголя неотделимы от его патриотических идей, формировавшихся, в частности, под влиянием «Исто-

рии государства Российского» Н. М. Карамзина, от его нравственных установок, дающих о себе знать уже в раннем творчестве.

Особое место в понимании писателя как глубокого мыслителя, не удовлетворявшегося поверхностным или общепринятым пониманием современности, занимает петербургская тема. И. Виноградов включает в состав условного цикла семь повестей в определенной последовательности, выстроенной самим писателем: «Невский проспект», «Нос», «Портрет», «Шинель», «Коляска», «Записки сумасшедшего», «Рим». Тем самым ему приходится преодолевать литературоведческую установку-инерцию, согласно которой, вслед за Б. Эйхенбаумом (1924), обыкновенно анализируют пять повестей и, как следствие, сужают мыслительный кругозор писателя.

Образ российской столицы включен ученым в широкую тему — «тему мировой цивилизации в ее отношении к традиционной культуре России [1; с. 213]. Основой концепции И. Виноградова становится идея не просто социальной сатиры, показанной в «петербургских» повестях, а идея внутреннего неприятия Гоголем идей западной торгашеской цивилизации, которая воцарилась в современной России, в Петербурге во многом под влиянием западных реформ Петра Первого. И. Виноградов называет Гоголя критиком «цивилизованного» Петербурга.

Он обращает внимание на то, мимо чего обычно проходят гоголеведы. Это показ Петербурга как города постоянных соблазнов, увлекающих человека помимо его желаний и возможностей. Здесь просвещенность дезавуируется, становится ложной просвещенностью. Герои становятся жертвами из-за общих условий проживания, существования в столице. В ней царит «европейский показной блеск — европейская светскость и европейская бюрократия, прикрывающая внутреннюю пустоту и бессодержательность» [13; с. 253].

Отказ Гоголя от идей эстетического гуманизма, о чем писали ранее В. Зеньковский и другие авторы, позволил, по И. Виноградову, дать альтернативный взгляд на историю страны и русской культуры. Значима отсюда полемика Гоголя в «Невском проспекте» с идеями «мечтательного эстетического гуманизма» Ф. Шиллера [1; с. 222], уравнивавшего красоту и добро. По Гоголю, «соблазн красоты» может равно служить и добру, и злу. В применении к идеям творчества это разграничение искусства и ремесленничества. Пагубные «ремесла» западной цивилизации губят художника в «Портрете», который предпочел ремесло искусству. В повести «Рим» ремесленничество Парижа связывается с низменными инстинктами человека.

Исследователь поясняет, почему труд монаха-художника приобретает у Гоголя «прямо вероучное, даже догматическое значение» [1; с. 234]. Связано это с выстраиванием ценностной иерархии: послерафаэлевская живопись как ремесло откровенно развращает человека; отсюда апология рафаэлевского творчества; но выше его наши художники, которые превосходят Рафаэля «выражением и чувством» [1; с. 236]. В повести «Портрет» мастерство художника, усовершенствованного в Италии, не может возвыситься до «высокого выражения» художника-христианина. «Несомненно, подлинное назначение искусства, по Гоголю, — это прежде всего иконопись, создание образа для подражания» [1; с. 238].

Пагубное влияние «цивилизованного» Петербурга сказывается не только на художниках, но и на «обыкновенном», «маленьком» человеке. «Тема долга — ключевая для замысла «Шинели» [1; с. 242]. Ядро замысла «Шинели» связано с характеристикой двух разных подходов к исполнению служебного долга: с одной стороны, это готовность к самопожертвованию, с другой — формальное отношение к службе и Отечеству. И потому Башмачкин, как потенциальный, загубленный художник, человек, сопоставляется с образом художника Пискарева. С другой стороны, сама способность человека к творчеству, к углублению в дело извращена в Петербурге, и потому герой почти религиозно сосредоточен на ничтожном деле.

В материалах о «Записках сумасшедшего» И. Виноградов поднимает вопрос о «европейском культе «человеческой гордости», потворстве всему телесному и душевным страстям человека» [1; с. 255]. Именно европейская цивилизация возбуждает низменные страсти у человека, в случае Поприщина — тщеславие, ненасытное честолюбие.

Наконец, в повести «Рим» многие темы «петербургских» повестей получают свое окончательное осмысление, так как Гоголь излагает собственную концепцию развития новейшей европейской цивилизации. В культурно-исторической концепции Гоголя «полярными точками являются Петербург и Москва, Париж и Рим» [1; с. 268]. Европейское просвещение во многом связано с открытием европейцами Америки, вывозом оттуда золота, созданием промышленности, ремесленничества. Именно вечно кипящим, деятельным предстает не принимаемый писателем Париж. «Бесплодная в отношении добра, европейская цивилизация нового времени постепенно, по Гоголю, становится в то же время все изощреннее в «искусстве» зла» [1; с. 270].

Гоголя тревожит, что Россия, символическим выражением которой становится Петербург, превращается в европейское государство и втягивается в «общеевропейский процесс апостасии» [1; с. 271].

Таким образом, представители православно-аксиологической традиции убедительно показали мировоззренческую основу гоголевского творчества, проследили связь между историческими тенденциями развития России, ее современностью с его произведениями, что дает широкий, более точный и одновременно конкретно-исторический, национальный взгляд на творчество писателя.

Литература

1. Виноградов И. А. Гоголь — художник и мыслитель: христианские основы мирозерцания. — М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. — 448 с.
2. Воропаев В. А. Полтора века спустя. Гоголь в современном литературоведении [Электронный ресурс]. — М., 2002. — Режим доступа: <http://www.domgogolya.ru/science/researches/1687/> (дата обращения 23.05.2016).
3. Зеньковский В. В. Н. В. Гоголь. — М.: Просвещение, 1991. — 262 с.
4. Гоголь Н. В. как герменевтическая проблема: к 200-летию со дня рождения писателя / под общ. ред. [и с предисл.] О. В. Зырянова; [авт. О. В. Зырянов, В. Ш. Кривонос, Е. К. Созина и др.]. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. — 348 с.

PERCEPTION OF THE CREATIVITY OF N. GOGOL
IN THE LIGHT RELIGIOUS AND ORTODOX AXIOLOG

Bashkeeva Vera Viktorovna

DSC, professor, Buryat State University
670000, city of Ulan-Ude, Smolina str, 24a
E-mail: oaelun@mail.ru

Garmaeva Seseg Sambuevna

the teacher of middle school Ulan-Ude
670000, city of Ulan-Ude, Smolina str, 24a
E-mail: confra@mail.ru

The main theme of the article is reception of the creative activity of Nikolai Gogol, first of all — his petersbourg novels, by representatives of Orthodox literary criticism. In the book “N. V. Gogol” of V. V. Zenkovsky there is studied crisis of 1836 year when ideas of aesthetic humanism were changed into ideas of religious thoughts about man and world. Gogol created multi-lateral realism, especially external and psychological forms of realism. Concept vulgarity shows impossibility of spiritual growth. The special place of Petersburg' theme, which is described not from satiric point of view, but as image of west “torgasheskaja” civilization. Big quantity of Petersburg' peculiarities ruinous influence on people.

In the monograph of I. Vinogradov “Gogol as artist and thinker: Christian base of of world-outlook” concepts “religious”, “patriotic”, “moral” are bringing together.

Keywords: Nikolai Gogol, literary criticism of XXI century, Orthodox axiology, Petersburg novels, conception of European civilization.